

УДК 821.161.1

С. М. Владимирова

S. M. Vladimirova

ПОЭТИКА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО НАРРАТИВА В «СИРИЙСКИХ РАССКАЗАХ» С. С. КОНДУРУШКИНА*

THE POETICS OF THE MIDDLE EASTERN NARRATIVE IN THE “SYRIAN STORIES” BY S. S. KONDURUSHKIN

Ключевые слова: русская литература рубежа XIX — XX вв., ближневосточный нарратив, С. С. Кондурушкин, «Сирийские рассказы», специфика сюжета, система персонажей.

В статье на материале сборника «Сирийские рассказы» С. С. Кондурушкина показаны художественное своеобразие ближневосточного нарратива прозы писателя и его роль в отечественной словесности рубежа XIX — XX вв. Автор рассматривает специфику нарративных и жанровых стратегий, поэтику сюжетов и систему персонажей. Жестокий и прекрасный мир Ближнего Востока обретает реальность для русского читателя благодаря выразительности героев, экзотике происходящего, яркому сочетанию трагических и комических эпизодов, особой роли повествователя, свидетеля и непосредственного участника событий.

Key words: Russian literature of the turn of the XIX — XX centuries, Middle Eastern narrative, S. S. Kondurushkin, “Syrian Stories”, the specifics of the plot, the system of characters.

The artistic originality of the Middle Eastern narrative of S. S. Kondurushkin’s prose and his role in Russian literature at the turn of the XIX — XX centuries is demonstrated in the article on the basis of the material of the collection “Syrian Stories” by the writer. The author considers the specificity of narrative and genre strategies, the poetics of plots and the system of characters. The brutal and beautiful world of the Middle East becomes real for the Russian reader thanks to the expressiveness of the characters, the exoticism of the events, the vivid combination of tragic and comic episodes, the special role of the narrator, a witness and a direct participant in the events.

В последнее десятилетие имя С. С. Кондурушкина привлекает внимание отечественных исследователей, что объясняется не только необходимостью вернуть в историю русской литературы рубежа XIX — XX вв. яркого участника литературного процесса, самобытного писателя и популярного журналиста, но и важностью отдельных аспектов его творчества для понимания тех новых тенденций, которые появляются в российской словесности первых лет XX в.¹

Один из аспектов, требующих особого внимания, — непосредственное участие писателя в формировании ближневосточного нарратива русской литературы и особенности его поэтики, получившие отражение в художественных и нехудожественных произведениях этого автора.

Ближневосточный нарратив складывается в отечественной литературе с конца XVIII столетия, хотя интерес к Ближнему Востоку и особенно к Святой земле, фиксируется в русских текстах еще в эпоху Средневековья, в частности, в так называемых «Хождениях»².

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-09-41005.

Как указывают исследователи, во второй половине XIX — начале XX в. ближневосточная тематика получает у отечественных авторов новый импульс для своего развития, что связано, в частности, с заметным ростом паломнического движения, с путешествиями значительного количества литераторов и журналистов на Ближний Восток. Можно сказать, что к началу XX в. в русской литературе формируются две парадигмы воплощения образов Ближнего Востока и широкой ближневосточной тематики — реалистическая и модернистская. Немалую роль в этом процессе играет и стремление нового прочтения и воплощения библейского мифа, непосредственно связанного с ближневосточным хронотопом³.

Среди писателей, обращающихся к ближневосточной тематике, символисты и постсимволисты Андрей Белый, В. Я. Брюсов, И. Ф. Анненский, Н. С. Гумилев, Вяч. Ив. Иванов, М. А. Кузмин и др. Заметный интерес к Ближнему Востоку демонстрируют писатели, группирующиеся вокруг книгоиздательского товарищества «Знание», среди которых Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов⁴. Примечательно, что ближневосточный нарратив, формирующийся в сборниках «Знания», реализуется не только в прозаических, но и поэтических текстах. В этом смысле показателен пример И. А. Бунина, публикующего рядом со своим очерком «Иудея» три библейских сонета, что образует в сборнике особую бунинскую ближневосточную зону, своего рода литературный поэтико-прозаический комплекс, сознательное конструирование которого очевидно и для редакции сборника, и для его читателей.

В этом ряду С. С. Кондурушкину, начинающему сотрудничество с издательством «Знание» в 1908 г., должно быть отведено особое место. В силу того, что биография писателя в последние годы была изложена достаточно подробно⁵, мы кратко обозначим лишь несколько фактов, имеющих непосредственное отношение к проблеме ближневосточного нарратива в прозе Кондурушкина и, как мы полагаем, предопределивших особенности поэтики его ближневосточных рассказов.

Уроженец села Мордовская Липовка Самарской губернии, предки которого в числе нескольких мордовских семей переселились на новые земли в начале XIX в. из-под Саратова, Кондурушкин после окончания трехклассного училища поступил в Вольскую учительскую семинарию, а затем год прослужил учителем в чувашском селе.

После окончания в 1898 г. Казанского учительского института Кондурушкин как один из лучших выпускников направляется Императорским Православным Палестинским Обществом в город Назарет на должность преподавателя в православную учительскую семинарию. Напомним, что Казанский учительский институт, наряду с Казанской духовной академией, по праву считался кузницей педагогических кадров для обучения «иногородческого» населения Поволжья и Приуралья, а также православных учебных заведений на Ближнем Востоке⁶.

С 1898 по 1903 г. он проходит все ступени педагогической карьеры: от рядового учителя в арабских православных школах до помощника инспектора Южно-сирийского учебного округа в Дамаске. Деятельность Кондурушкина на педагогическом и административном поприще в регионе заслужила высокие оценки как его непосредственного руководства, так и петербургского. В годы своего пребывания на Ближнем Востоке молодой педагог активно осваивает традиции и культуру региона, постигает реалии ближневосточной повседневности, становится свидетелем и вдумчивым наблюдателем сложных перипетий политической жизни турецкого

Востока, фиксируя противоречия ближневосточной политики России и Европы, взаимоотношений русской православной, греческой и армянской церковей и др.

Свой ближневосточный опыт и переживания молодой человек пытается выразить в литературных текстах, что приводит его к переписке с редакторами одного из ведущих российских толстых журналов «Русское богатство» В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским. Именно рекомендация Короленко определила характер и содержание большей части произведений, создававшихся молодым автором в первой половине 1900-х гг. «Отчего бы Вам, — писал Короленко, — не попытаться познакомиться читающую публику с особенностями той жизни, которая Вас теперь окружает?»⁷.

В 1903 г. Кондурушкин, который к тому времени уже обзавелся семьей, возвращается в Россию. С середины 1900-х гг. окончательно определяется его путь профессионального журналиста и писателя, для которого ближневосточная тематика по-прежнему остается одной из наиболее важных и востребованных.

Подчеркнем, что поэтика ближневосточного нарратива в творчестве Кондурушкина изначально определяется с учетом его произведений нехудожественного характера. Значительную роль в этом процессе играют первые публикации Кондурушкина-очеркиста, содержащие детальное изложение социальной, экономической и политической жизни современной Сирии. На страницах журналов «Русское богатство», «Исторический вестник», «Сообщения ИППО» появляются его очерки о Дамаске и Ливане, статьи по самым разным проблемам — от деятельности греческой православной церкви в Палестине и Сирии до состояния ирригационной системы в сирийской деревне, короткие заметки о железной дороге и др.

Характерной приметой творческого стиля Кондурушкина станет литературный синтетизм — перенос фрагментов из нехудожественных текстов в появляющиеся позже рассказы и повести, стремление к литературной обработке отдельных фрагментов нехудожественного текста⁸. Несомненно, читатель, хорошо знакомый с его очерками и заметками в «Русском богатстве», видел родственную связь с ними в рассказах писателя, появлявшихся в цикле «Из скитаний по Сирии».

Путевые заметки, своего рода «фотография» сирийской или ливанской повседневности, дневниковые записи и заметки в «Записных книжках» — все это постепенно трансформируется в единый ближневосточный нарратив.

Таким образом, ближневосточный нарратив Кондурушкина многосоставен и многожанров: это не только повести и рассказы, короткие прозаические фрагменты, близкие по сути бытовому анекдоту или бытовой зарисовке, но и развернутые публицистические очерки с элементами политического и экономического анализа, экскурсами в историческое прошлое.

Окончательное оформление ближневосточного нарратива Кондурушкина происходит в сборнике «Сирийские рассказы». Публикуя сборник в книгоиздательском товариществе «Знание», молодой писатель получал возможность утвердиться в современной русской литературе. Его диалог с А. М. Горьким, которому принадлежала решающая роль в определении политики издательства в целом и отборе авторских рукописей, свидетельствует об обоюдной заинтересованности сторон в появлении этой книги⁹.

«Сирийские рассказы» получили отклик в современной автору критике, в их числе рецензии И. Ф. Анненского, М. О. Гершензона, А. И. Куприна, оценки И. А. Бунина

и А. М. Горького¹⁰. Издание сборника стало не просто авторской удачей, позволившей малоизвестному литератору добиться признания современной критики, нельзя не заметить, что объединение ранее опубликованных рассказов под одной обложкой привело к качественным изменениям на уровне авторской оценки нового нарративного целого и его восприятия читателями. Об этом свидетельствует, в частности, сама организация сборника и не включение в его состав нескольких текстов, появившихся в «сирийских циклах» журнала «Русское богатство» («Почтовый день в Рашее», «Каймакан»).

Публиковавшиеся в разное время и в разном виде — либо в составе циклов, либо по отдельности — тексты, образующие сборник сирийских рассказов, воспринимаются читателем как единое целое. Кондурушкин не мог не осознавать этого, неслучайно в одном из писем Горькому он отмечает: «Вам посланы отписки моих рассказов, каковые я предлагаю «Знанию» издать сборником. Могут быть две комбинации: 1) сборник всех рассказов — около 17 ½ журн. листов и 2) сборник одних рассказов с востока — около 12 ½ журн. листов. Последняя комбинация, по моему мнению, лучше»¹¹. Подобного рода цельность, как не раз указывали ведущие отечественные и зарубежные нарратологи, — характерная особенность жанра сборника как своего рода наджанрового единства¹². В связи с этим не только важным, но и принципиальным становится вопрос о структурной организации «Сирийских рассказов». Кондурушкин размещает их не по хронологии, т. е. не в порядке их появления на страницах «Русского богатства», но предлагая своего рода чередования трех типов рассказов, которые условно можно определить как рассказы-трагедии, рассказы-комедии и рассказы трагикомического плана. При этом практически все рассказы последнего типа организованы таким образом, что их первоначальный комизм трансформируется в остродраматическую историю или завершается абсолютно трагическим финалом. В подобной организации нарратива Кондурушкину видится беспощадная логика повседневной жизни Ближнего Востока, который постоянно подвергает человека суровым испытаниям.

Можно сказать, что сборнику рассказов свойственна кольцевая структура, поскольку и первый сюжет, и финальный связаны с проблемой взаимоотношений оседлого населения Сирии и Ливана и кочевников. Все они — и христиане, и мусульмане, и друзья, и бедуины — обладают ярко выраженными психотипами и практически ни в чем не могут найти совпадения, оставаясь в состоянии противостояния.

Можно сказать, что в сборнике предпринимается попытка философского осмысления происходящего. Так, граница между миром жизни и миром смерти символически обозначена в зловещей фигуре могильщика, повелителя маленькой деревни в одноименном рассказе. При этом читателю фактически приходится сделать выбор между анекдотом и притчей. Что мы наблюдаем и в рассказе «Два минарета», в котором соперничество двух строителей представлено как столкновении старого и нового, победа молодости над старостью. При этом автор сохраняет интонацию традиционного арабского повествования в духе старинных дамасских легенд.

Встреча различных языков и культур, традиций и обычаев в «Сирийских рассказах», как правило, перерастает в конфликт, достигающий высшей точки своего ожесточения, а возможность его решения оказывается почти невозможной.

Именно это происходит в открывающем сборник рассказе «Хараба», повествующем о трагической судьбе юной красавицы-христианки. Рассказ ведется от лица

непосредственного свидетеля и даже участника этих событий, случайно встреченного повествователем русского поляка, Ивана Казимировича. Он долгие годы провёл в Сирии и хорошо знает язык и обычаи этой страны. Хараба — дочь крестьянина-сирийца, задолжавшего большую сумму деревенскому богачу. Хараба обречена стать жертвой: пойти в оплату за отцовский долг. Однако девушка вдруг восстает и решает уйти из дома к тетке, которую она никогда не видела, в далекую деревню, чтобы не выходить замуж за старика. Для повествователя очевидно, что Иван Казимирович не равнодушен к красоте героини, и то описание, которое он дает, подчеркивает как ее внешние данные, так и ее необычность. Иван Казимирович при этом не пытается создать романтический образ, нарисованный им портрет реалистичен и объясняет многое в ее поведении в критические мгновения: «Красавиц много на свете, но такой я нигде и никогда не видал. Прекрасное небо, мягкий ветер, яркое солнце, полевые цветы, изумрудная зелень, — может быть, все это вместе вырастило Харабу для примера, чтобы показать, каково прекрасное в природе!.. <...> Вообще — она была каким-то исключительным созданием. Сложена была тоже удивительно. Сильная, ловкая, стройная...»¹³.

Хараба во многом отличается от традиционных женщин Ближнего Востока: она решительна, готова постоять за себя. Попытка юноши-бедуина похитить ее наталкивается на ожесточенное сопротивление: девушка не останавливается ни перед чем. Когда нападающий пытается повалить ее на землю, схватив за косу, она отрезает ее, чтобы лишить насильника преимущества. Забравшись на стену в заброшенном селении, она, не смыкая глаз целые сутки, всегда готова дать отпор своему похитителю: «Он ее и уговаривал, и стращал — нет, ничего не берет. „Стреляй, говорит, если хочешь“. И не прячется от его ружья, а смело смотрит» [Кондурушкин, с. 19]. Тем временем, обнаружив исчезновение дочери, родители обращаются за помощью к самой влиятельной фигуре региона — местному митрополиту: «В России или где-нибудь в Европе это показалось бы странным: пропала девушка, и родственники не к правительству обращаются, а к своему духовенству. Но здесь всегда так, — отмечает Иван Казимирович. — Духовенство лучше устроит дело, а если нужно, то и правительство заставит вмешаться. Кроме того, митрополит, к которому мы ехали, был такой, что при случае мог самого черта за рога из ада вытащить» [Там же, с. 20].

Однако обнаружение девушки не становится спасением для нее, ее будущее под угрозой: в глазах общины она опозорена, и все попытки митрополита, взявшего Харабу под свое покровительство, помочь ни к чему не приводят. Казалось бы, забрезживший счастливый финал — митрополит все-таки находит в Дамаске почтенного торговца, готового жениться на девушке, — оборачивается трагедией: девушка погибает от рук собственного отца, решившего таким образом избавиться от всех навалившихся на семью проблем: испорченная репутация дочери, страх перед местью бедуинов (так как похититель оказался в тюрьме), к тому же он должен наказывать дочь, послушавшуюся воли отца. Именно это вызывает примечательную оценку со стороны Ивана Казимировича, потерявшего, как он признается, свою любовь. Мысль о жестокости души и нравов местного населения, которая становится одним из лейтмотивов сирийских рассказов: «Да, жестоки у них сердца, — повторил он, — жестоки и обычаи. Живу я на свете тридцать пять лет и видел много людей и народов. Но я не видел ничего жесточе обычаев этих семитов. И

странно: эта жестокость идет рядом с поразительной человеческой красотой. Они прекрасны и жестоки, как дети... Впрочем, может быть, именно эта жестокость и хранит их целые тысячелетия...» [Там же, с. 8].

Именно здесь главное отличие ближневосточного нарратива Кондурушкина от его русских и европейских предшественников, для которых романтическая жестокость была экзотической чертой восточного характера, и не осуждалась авторами. Ориентируясь на «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова («Бэла» и «Максим Максимович»), Кондурушкин совсем по-другому выстраивает взаимоотношения русских и сирийских персонажей. Если проводник повествователя, как правило, расторопный плут, не обременяющий себя обязанностями слуги, в отдельных рассказах заменяется на личность почти героическую («На рубеже пустыни»), то в изображении колоритных обычаев горных селений друзов, христианских деревень и христианско-мусульманских городков, автор старается максимально избегать романтической экзотики, порой доходя до крайней степени реалистического и отчасти даже физиологического описания.

Отметим, что женские образы в ближневосточном нарративе Кондурушкина по преимуществу традиционны. В целом для них характерна неизбежная покорность семье и обстоятельствам, подчинение традициям, и только самые драматические повороты судьбы могут заставить героиню раскрыться. Так, в рассказе «Баядерка» повествователю приходится очень долго уговаривать случайно встреченную им группу странствующих артистов правдиво ответить на вопрос «Поют ли они грустные песни?». Кондурушкин изобретательно изображает мир певцов и актеров, отличный от того, который просвещенный читатель привык воспринимать по интерпретации, предложенной в знаменитом балете М. Петица на музыку Л. Минкуса.

Сквозь иступленные движения танца, исполняемого под песню о предстоящей встрече возлюбленных, прорывается скорбь, вызванная недавней утратой. Веселые танцовщицы Шафики оборачиваются потоком ее рыданий об умершем возлюбленном. Подобное несоответствие почти сказочного экзотического мира романтической «Баядерки» и суровой правды жестокой жизни подводит рассказчика к определенному философскому выводу о несовершенстве мира. «„Грустных песен мы не знаем. Зачем нам. Никто нас не заставляет петь грустные песни“... — вспомнилась мне слова старухи. Но глупое человеческое сердце, очевидно, нуждается иногда в грустных песнях, которые облегчают горе, смягчают его грубые тяжелые удары. Мне было досадно на что-то и тяжело. Спутники мои ехали молча» [Там же, с. 122].

Мысль о несовершенстве ближневосточного мира, окружающей повествователя повседневности будет повторяться неоднократно, противостоять этому несовершенству не в состоянии даже героические персонажи сирийских рассказов Кондурушкина. Еще одна трагическая судьба сильной личности, не пережившей краха своего семейного благополучия, в центре рассказа «Шагин Хадля», названного по имени главного героя. Деревня, расположенная высоко в горах и населенная по преимуществу мусульманами, становится прибежищем для небольшого числа христианских семей, нашедших в ней укрытие во время восстания друзов. Христиане пребывают на положении изгоев, подвергаются издевательствам со стороны мусульманского большинства и влачат жалкое существование до того момента, когда в селе появляется Шагин Хадля, получивший в наследство дом своего дяди.

Шагин — сильная личность: он отважен, вынослив и физически крепок, ловко управляется с оружием и никого не боится. Повествователь, состоящий в приятель-

ских отношениях со своим героем, не просто испытывает к нему симпатию, он буквально любит его силой и здоровьем: «Шагин имел большой рост, богатырское сложение. Его бронзовое, блестящее жиром лицо, темно-серые глаза, — дышали отвагой и решимостью. Ходил он смело, уверенно, грудью вперед, смотрел на всякого встречного надменно, точно хотел сказать: „Кто бы ты ни был, я тебя не боюсь; бойся ты меня“... За поясом под абаи у него всегда торчали кинжал и пистолет. В руке он носил нагайку, которой мог при случае расправиться не хуже кинжала» [Там же, с. 61 — 62].

Шагин Хадля — образ разбойника, столь характерный для русского и европейского нарратива о Востоке, не только отважного, но и веселого, не признающего никаких условностей и попыток навязать ему привычные нормы поведения, и всегда поступающего по-своему. Так, несмотря на формальную принадлежность к христианской вере, он отправляет свою законную жену жить в Дамаск, а в свой дом приводит молодую женщину, муж которой находится на заработках в Америке. Более того — силой оружия он заставляет местного попа сочетать их браком и за взятку убеждает митрополита утвердить это бракосочетание. Насмехается он и над соседями мусульманами, осыпая их оскорблениями, и во всем полагается исключительно на свою силу. Однако судьба посылает герою страшные испытания: во время его отсутствия неизвестные грабят его дом и насилуют красавицу дочь, а все попытки героя добиться справедливости и возмездия у официальных властей ничем не заканчиваются. Отказ патриарха поддержать его в законных требованиях, полная безысходность ситуации, приводит героя к катастрофе: в дамасской мечети Шагин Хадля в порыве исступления произносит ритуальную фразу и переходит в мусульманство. Однако его переход в новую религию не приносит ему успокоения, приступы безумной ярости становятся все более протяженными, и очередной конфликт с односельчанами-мусульманами, так и не принявшими его за своего, заканчивается убийством Шагина Хадля, ритуальным расстрелом уже мертвого тела и убийством его дочери, бросившейся к погибшему отцу. «Ночью христиане, крадучись, с плачем похоронили оба тела. Был суд. Виновных не нашли...

Христиане и теперь живут в Шибэ в обиде и унижении: Шагина нет — защищать некому», — завершает повествователь [Там же, с. 111].

Отметим, что изображение трагического мира Ближнего Востока не было самоцелью автора, главным для которого оставалась презентация ближневосточной повседневности во всем многообразии ее проявлений. Неслучайно в общей композиции сборника трагическая линия сознательно перебивается бытовым анекдотом. События из жизни «маленького человека» намеренно представлены антитетически по отношению к уже описанным трагедиям. В них то, что кажется герою великим несчастьем, в реальности оборачивается недоразумением или сравнительно небольшим огорчением. Так, Абу Уадиа из рассказа «Единственная неприятность», мелкому торговцу и отцу многочисленного семейства, рождение дочери вместо ожидаемого сына (а в семье уже есть 4 мальчика) воспринимается как конец света. Точно также это событие воспринимают и окружающие родственники и друзья. Однако великая трагедия длится недолго: торговец ожидает рождения не только сына, но и потомства своей легендарной кобылы, приносящей ему жеребят женского пола, на которых имеется повышенный спрос. Рождение кобылицы превращает трагедию в анекдот, а появление девочки в семье Абу Уадиа — в «Единственную неприятность» [Там же, с. 47].

По законам анекдота выстраивается и рассказ «Узнал! Узнал!». Его герой — отец Рашида, — вернувшись в собственной дом после изнурительного трудового дня, не узнает ни жены, ни детей, полагая, что находится в чужой деревне на полпути к своей. История эта могла бы показаться читателю совершенно невероятной, однако ближневосточная ее экзотика, сопрягаемая с акцентированной реалистичностью деталей, делает ее более или менее правдоподобной. Для усиления контраста между странным состоянием героя и абсурдностью происходящего автор вводит в текст его внутренний монолог, в котором находится место даже некоторой иронии, в реальности превращающейся в самоиронию: «Ему показалось, что женщина эта очень походит на его жену <...> Прибежали дети.

— И дети — точь в точь мои дети, — думал он <...> Не достает только, чтобы муж этой женщины походил на меня так же, как его жена походит на мою жену и его дети — на моих детей. <...>

— Может быть у нее найдется такой же осел, как у меня?» [Там же, с. 156].

Неразрешимая, казалось бы, коллизия получает простую развязку: крепкая оплеуха рассерженного соседа приводит, наконец, отца Рашида в чувство, и все расставляет по своим местам.

Нетрудно заметить связь комической стороны нарратива Кондурушкина с соответствующей традицией русской литературы, восходящей к прозе А. С. Пушкина и отчасти воспроизводящей особенности его смехового слова¹⁴. Отметим и такую специфическую черту центральных персонажей рассказов-анекдотов Кондурушкина, как их чудаковатость. При этом героини-чудаки в «Сирийских рассказах» достаточно разнообразны. Чудаковатость персонажа — своего рода «минус-прием», обеспечивающий поэтапную трансформацию начинающейся как анекдот истории в остродраматический рассказ, сопровождаемый иногда трагическим финалом.

Смешные в своем поведении и облике персонажи способны на высокие чувства и на почти героические поступки, которые резко отличают их от окружающих. История Халиля, испытывавшего чувство к юной «фрейлен», дочери преуспевающего немецкого торговца в Дамаске, — история большой любви, радикально изменившей жизнь героя. Халиль — «высокий здоровый парень, широкоплечий, мускулистый, совершенно смуглый, почти черный» [Кондурушкин, с. 161] — хорошо исполнял свои обязанности, был расторопен, догадлив, сообразителен. «Все в будущем было у него так просто и понятно, — отмечает рассказчик» [Там же, с. 166]. В частности, юноша планировал накопить денег и жениться на прислуживающей в доме девушке Уарде, дочери бедных крестьян из деревни поблизости. Однако происходит событие, полностью меняющее ход жизни героя. К приятелю рассказчика, немцу Вейссу, приехали жена и дочь Амалия. Внимание девушки к Халилю, ее попытки поговорить с ним, ее маленькие гостинцы — все это изменило Халиля. После того, как ему удалось предотвратить падение Амалии с лошади, Халиль совсем потерял голову: «Это было обожание. Он, дикий Халиль, может быть не считал ее даже за человека, а за какое-нибудь божество или за гурию, слетевшую с неба» [Там же, с. 171]. Теперь вся его жизнь была подчинена службе «немецкой госпоже».

Мир романтической сказки и грубая повседневность реальной жизни соприкасаются недолго: девушке не подходит дамасский климат, и семья вынуждена вернуться в Германию. Потрясенный расставанием Халиль вручает на вокзале Амалии прощальный подарок — фарфоровую куклу. Здесь в свои права вновь всту-

пает жанр анекдота. Кукла, как две капли воды похожая на девушку, поставлена в Дамаск фирмой ее отца. Этот факт вызывает неудержимый смех всех прощающихся, включая несчастного Халилия. Финал истории печален — лишенный предмета своего обожания юноша фактически утрачивает смысл жизни: «После этого дня он долго ходил хмурым и все молчал. Только однажды спросил меня, где находится та страна, тот город, в котором живет „немецкая госпожа“. А на вопрос мой, когда он намерен жениться на Уарде, Халиль мрачно ответил:

— Раздумал...» [Там же, с. 178].

Еще более примечательно то, что происходит с учителем-французом в униатском монастыре — в школе для сирийских детей (рассказ «Ко-ко-ко»). Здесь впервые представленный Кондурушкиным мир детства превращается в мир тотальной жестокости. Анекдотический чудак — француз, получивший прозвище Ко-ко-ко, становится свидетелем жестокой выходки детей, сжигающих живьем пойманного лисенка. Этот чудовищный акт изображается автором как закономерный результат общей атмосферы жестокости и насилия, неуважения и бесчувственности, которые царят в монастыре не только среди учеников школы, но и среди его служителей. Особенно с этой атмосферой контрастирует настроение добряка-француза, готового любить весь мир и все сущее в нем. Нельзя не заметить, что автор затрагивает в рассказе и проблемы религиозно-политические: его скептическое отношение к деятельности на Ближнем Востоке христианских конфессий, конкурирующих с русской православной церковью, представлено здесь максимально выразительно.

Умение Кондурушкина превратить анекдот в трагическую историю, развернуть сюжет таким образом, что читателю в полной мере становится очевидна катастрофичность наступающих перемен — свидетельство литературной зрелости писателя. Так, в частности, разворачивается сюжет рассказа «Абу Масуд». История Абу Масуда — история современного сирийского Иова, сломавшегося под грузом жизненных испытаний, но сохранившего при этом человеческое достоинство и веру в Бога. Процветающая семья Абу Масуда, по праву занимающая одно из самых высоких мест в общине, предмет ее гордости. Абу Масуд славится своим гостеприимством, он — хлебосольный хозяин и прекрасный собеседник, весь облик которого преисполнен глубокого внутреннего достоинства. Большую радость доставляет старику младший сын и маленькие внуки. Рассказчик всегда навещает в его дом с особым чувством.

Однако и здесь реальность уже несет угрозу патриархальной сказке — от сына, сеющего хлеб где-то в Бразилии, нет никаких известий, второй сын, поступивший на службу в соседний город, предается пьянству и разврату. Однако настоящий крах наступает со смертью сына через полгода, и вновь появившийся в доме Абу Масуда рассказчик видит, как достойный старец превратился в убитого горем старика: «Слышал я, Абу Масуд, про твою горе. Не тоскуй — попробовал я утешить старика.

— Надеюсь на Бога, — сказал Абу Масуд.

Но вдруг его небритый подбородок задрожал, и из-под нависших седых бровей потекли крупные слезы. Он весь как-то опустился, осел, положил мне на плечи обе руки и на одну из них склонил свою трясущуюся от тихих слез голову.

— Бог дал, Бог и взял, — говорил он, как древний Иов.— Только больно мне. Сердце болит... Сделать с собой ничего не могу. Да и жену жалко. Знаешь ты, мы — арабы — уж такие люди: если ушел один... Тоска...» [Там же, с. 141].

Нетрудно заметить, насколько адекватно этот монолог передает стоическую идею ближневосточной мудрости — терпение и покорность Богу. Сочувствие повествователя к несчастному старику делает рассказчика персонажем, близким лучшим гуманистическим традициям русской литературы XIX в.

Особое место в ближневосточном нарративе занимают русские персонажи. С одной стороны, они являются представителями другой культуры, и в той ситуации, когда русские герои Кондурушкина «замкнуты» на самих себе, у автора вновь возникает стремление обратиться к жанру анекдота. Так, русский персонаж в своей самодостаточности, уверенный в своем превосходстве и отрицающий саму возможность диалога с другим — фигура абсолютно комическая. Именно таковы образы инженера Сычева из «Англичанки» или Акулины из рассказа «Акулина в Триполи».

Напротив, подчеркнутая открытость Ближнему Востоку, желание максимально глубоко и адекватно понять мельчайшие нюансы жизни и быта этого региона — черта, характерная не только для автора «Сирийских рассказов» и его *Alter ego* в сборнике, но и для наиболее близких ему русских персонажей (Иван Казимирович, секретарь русского консульства Глубоков). Все сказанное выше находит отражение в завершающем сборник рассказе «На рубеже пустыни», который оказывается самым сложным и по своей композиции и по содержанию. Незамысловатая история примирения феллахов далекого сирийского села и бедуинского племени наполняется целым рядом символических сцен, философских отступлений. Можно предположить, что Кондурушкин неслучайно конкретизирует фигуры русских участников складывающегося сюжета: свидетели происходящего должны быть максимально достоверны для того, чтобы читатель поверил в правдивость весьма неожиданной истории. Здесь впервые Кондурушкин усиливает и историческую составляющую своего нарратива. В привычную для нарратора мысль о вневременности вечного мира, окружающего сирийские города, добавляются размышления об историческом прошлом, о неподвластности познаваемого мира Дамаска и его окрестностей многочисленным завоевателям, тысячи лет приходившим на эту землю и исчезавшим. Только природа невозмутима и незыблема: горы Ливана, вершины Германа, стекающие с гор реки, отступившее море, некогда заполнявшее место, на котором сейчас расположилась пустыня, — остаются молчаливыми свидетелями происходящего. Конфликт прошлого и настоящего отражается и в том инциденте, вокруг которого разворачивается повествование. Попытка примирения, которую организуют известный странствующий православный священник, архимандрит Николай, или Абуна Нкуля и мусульманский шейх, живущий в сирийском селе, — только поверхность большого и непреодолимого противоречия — конфликта между ощущающими себя свободными и независимыми бедуинами и крестьянами, которых кочевники считают рабами. Случайная гибель в драке молодого бедуина и страх, в котором пребывает деревня, ожидающая мести со стороны племени кочевников, заставляют священника и шейха прибыть с миром, для того чтобы договориться с потерявшими соплеменника.

Идея несвободы почти трагикомически преломляется в словах учителя Исы, из гордого проповедника превращающегося в испуганного маленького человека: «Учитель Иса совсем повял. Он не только не декламировал стихов, даже не спал. На его лице была видна какая-то заботливая дума. Он наклонился ко мне и шепотом поведал ее:

— Боюсь, как бы не донесли на меня правительству, что я говорил там... такие слова...» [Там же, с. 249].

Нельзя не заметить и изменения во взгляде на Дамаск после посещения пустыни: повествователь видит, как пожух и поблек город, утром казавшийся при выезде зеленой жемчужиной: «Свет грязных керосиновых фонарей, опустевшая душная улица, где вповалку целыми семействами спят шершавые собаки — вот она действительность» [Там же, с. 249].

Во второй половине 1900 — начале 1910-х гг. Кондурушкин предпринимает попытки расширить потенциал своих ближневосточных повествований, дополнив их мифоисторической составляющей в повестях «Моисей» и «Потомки царя Иудейского».

Личный опыт автора становится стержнем повествования, Кондурушкин намеренно не проводит прямых параллелей между собственной биографией и занятиями повествователя: практически ни в одном из рассказов не названы ни его должность, ни его звание. Читателю понятно, что это человек серьезный, решающий важные вопросы и пользующийся уважением в сирийской общине не только у единоверцев, но и у остального населения. Однако акцентируемая неопределенность превращает повествователя в фигуру более универсальную, и тем самым гораздо более важную для организации нарратива всего цикла рассказов, чем для выстраивания сюжетных линий конкретного очерка или заметки.

В сборнике представлено все многообразие сирийской жизни, сирийской природы, народностей, населяющих регион, многоголосие религий и культур, сосуществующих друг с другом и иногда оказывающихся на грани смертельной вражды. Наибольшей симпатией автора пользуются православные сирийцы, люди, с которыми у повествователя налажены долгие добрые отношения, но с не меньшим интересом и уважением относится он и к друзьям, и к мусульманам хотя и не скрывает того, что враждебность и тех и других по отношению к христианам серьезно осложняет жизнь в современной автору Сирии. Примечательна несколько раз повторяемая мысль об особых симпатиях сирийских православных к России и русским.

В заключение отметим, что тот тип ближневосточного нарратива, который разрабатывался Кондурушкиным в первой половине 1900-х гг. и получил завершение в сборнике «Сирийские рассказы», имел определенное влияние на других представителей отечественной словесности. Так, И. А. Бунин, прочитав книгу «Сирийские рассказы», попросил издательство «Знание» печатать пятый том своих сочинений «как рассказы Кондурушкина»¹⁵, а свой очерк «Зодиакальный свет» завершил рисунком Е. Е. Лансере, который ранее украсил рассказ «Акулина в Триполи»¹⁶.

Для Кондурушкина, по-видимому, этот опыт не стал определяющим, и к теме Ближнего Востока и ближневосточным сюжетам в оставшийся период жизни он практически не возвращался, хотя активно перепечатывал отдельные произведения в сборниках своих рассказов. Более важно то, что опыт организации повествования, который он получил в процессе работы над ближневосточной тематикой, оказался в значительной степени востребован в других произведениях, прежде всего в рассказах о российской повседневности, экзотике Новой Земли и даже в очерках, посвященных Первой мировой войне, которые были собраны в сборник «Вслед за войной» (1915).

Библиографические ссылки

¹ См.: **Чуваков В. Н.** Кондурушкин Степан Семенович // Русские писатели, 1800 — 1917 : биограф. слов. / глав. ред. П. А. Николаев. М., 1994. Т. 3. С. 50 — 51 ; **Миронов Г., Миронов Л.** Тяжкий крест Степана Кондурушкина // Сочинения : Конец XIX — начало XX в. Саранск, 2006. С. 449 — 460 ; **Владимирова С. М.** Последняя повесть С. С. Кондурушкина // Центр и периферия. [Саранск]. 2021. № 4. С. 58 — 64. URL: <http://www.niign.ru/centrandperifirya/na-sajt-czip-4-2021.pdf> (дата обращения: 20.06.2022) ; **Дубровская С. А., Владимирова С. М.** Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 37 — 47.

² См., например: Восток в русской литературе XVIII — начала XX века : Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. 253 с.

³ Подробнее см.: **Урюпин И. С.** Библейский текст в русской литературе конца XIX — первой половины XX века. Елец, 2015. 187 с.

⁴ См.: **Завельская Д. А.** Библейская тема как проекция общественных процессов: повесть С. С. Кондурушкина «Моисей» и его переписка с М. Горьким // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 99 — 105.

⁵ См.: **Владимирова С. М., Дубровская С. А., Киржаева В. П., Осовский О. Е.** «Человек сирийский и серьезный...»: малоизвестные эпизоды биографии Степана Семеновича Кондурушкина конца 1890-х — 1900-х гг. // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2021. С. 169 — 194.

⁶ См. подробнее: **Киржаева В. П.** Принципы обучения русскому языку в мордовской школе (учет особенностей родного языка). Саранск, 1995. 96 с. ; **Ее же.** Обучение русскому языку мордвы во второй половине XVIII — начале XX века: политико-правовые, социокультурные и лингвокультурные аспекты. Саранск, 2005. 416 с.

⁷ **Короленко В. Г.** Письмо С. С. Кондурушкину 23 октября 1899 г. Петербург // В. Г. Короленко. Избранные письма : в 3 т. М., 1936. Т. 3. С. 129 — 130.

⁸ См.: **Владимирова С. М., Дубровская С. А., Дубровская Д. А.** Ближневосточный хронотоп в прозе С. С. Кондурушкина рубежа XIX — XX веков: к постановке проблемы // Филология: научные исследования. 2021. № 2. С. 1 — 9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35012 (дата обращения: 20.06.2022).

⁹ Подробнее см.: **Переписка М. Горького с С. С. Кондурушкиным** / предисл., публ. и коммент. В. Н. Чувакова // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 944 — 992.

¹⁰ Подробнее см.: **Дубровская С. А., Владимирова С. М.** Степан Кондурушкин и Максим Горький...

¹¹ **Переписка М. Горького с С. С. Кондурушкиным**... С. 946.

¹² См., например: **Шмид В.** Нарратология. М., 2003. 311 с. ; **Тюпа В. И.** Горизонты исторической нарратологии. СПб., 2021. 268 с.

¹³ **Кондурушкин С. С.** Сирийские рассказы. СПб., 1908. Т. 1. С. 11 — 12 (Далее ссылки в тексте [Кондурушкин, с.]).

¹⁴ См. подробнее: **Дубровская Д. А., Дубровская С. А.** «Смеховое слово» в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 3 (11). С. 79 — 82.

¹⁵ **Бунин И. А.** Письма 1905 — 1919 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; отв. ред. С. Н. Морозов. М., 2007. С. 89.

¹⁶ См. подробнее: **Щавлинский М. С.** «Храм Солнца» И. А. Бунина — неоконченный проект освоения Востока // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества. М., 2021. С. 934 — 952.

Поступила 28.06.2022 г.